

ЧИТАЙТЕ ВСЕ РОМАНЫ АЛЕКСАНДРЫ МАРИНИНОЙ:

Стечение обстоятельств
Игра на чужом поле
Украденный сон
Убийца поневоле
Смерть ради смерти
Шестерки умирают первыми
Смерть и немного любви
Черный список
Посмертный образ
За все надо платить
Чужая маска
Не мешайте палачу
Стилист
Иллюзия греха
Светлый лик смерти
Имя потерпевшего никто
Мужские игры
Я умер вчера
Реквием
Призрак музыки
Седьмая жертва
Когда боги смеются
Незапертая дверь
Закон трех отрицаний
Соавторы
Воюющие псы одиночества
Тот, кто знает. Опасные вопросы
Тот, кто знает. Перекресток
Фантом памяти
Каждый за себя
Замена объекта
Пружина для мышеловки
Городской тариф
Чувство льда
Все не так
Взгляд из вечности. Благие намерения
Взгляд из вечности. Дорога
Взгляд из вечности. Ад
Жизнь после Жизни
Личные мотивы
Смерть как искусство. Маски
Смерть как искусство. Правосудие
Бой тигров в долине
Оборванные нити
Последний рассвет
Ангелы на льду не выживают
Казнь без злого умысла
Обратная сила

Адрес официального сайта Александры Марининой в Интернете
<http://www.marinina.ru>

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Между тем всякие психологические задачи труднее решать, нежели физические, потому что деятельность человека не чисто рефлекторная, и как элемент в них входит тот X, который одними называется свободным произволом, а другими — способностью противопоставлять внешним мотивам те неисчислимые сонмы идей и представлений, которые составляют содержание нашего сознания.

Из защитительной речи В. Д. Спасовича в судебном процессе по делу об убийстве Нины Андреевской

Глава 1 1965 год

- Вы верите в Бога?
Светлые глаза в обрамлении сетки мелких морщинок смотрели на Орлова со спокойным любопытством, чуть выжидательным, но нисколько не тревожным.

— Ну что вы, — с облегчением улыбнулся Орлов, — как можно! Мы все атеисты. Бога нет, это общеизвестно.

Женщина вздохнула и легким быстрым движением коснулась кончиками пальцев края маленькой изящной шляпки.

— Вероятно, вы намного образованнее меня, — произнесла она с едва заметной улыбкой, — поэтому и знаете точно, есть Бог или нет. А я вот, изволите ли видеть, как-то привыкла с детства думать, что он есть. Именно поэтому я и пришла к вам.

Орлов озадаченно сдвинул брови.

— Я не понял...

Он действительно не понимал. Эта приятная немолодая дама, представившаяся переводчицей, приехавшей с французской делегацией на Московский кинофестиваль, находилась в его комнате уже двадцать минут, а цель ее визита так и оставалась для Орлова неясной. Именно в комнате, а не в квартире, ибо квартира была коммунальной. Слава богу, малонаселенной, всего три семьи, и у каждой по большой, метров по 35—40, комнате. Но все равно, квартира не была отдельной, и от этого Орлов немного стеснялся перед иностранной гостьей. В коммуналках жили очень многие, в этом не было ничего особенного и постыдного, а Орлов даже гордился их с женой комнатой, такой уютной, обставленной старинной мебелью, с красивыми шторами и светильниками, с массивным деревянным письменным столом и двумя мягкими кожаными креслами — для хозяина и для посетителя. Адвокат Александр Иванович Орлов и его супруга, юрист на предприятии, имели репутацию людей общительных и гостеприимных, и за стоящим в центре комнаты раздвижным овальным столом частенько собирались весьма приятные и оживленные компании коллег и друзей, то и дело восклицавших:

— Как же у вас тут хорошо! Прямо покой на душе нисходит в вашей комнате!

Александр Иванович в этих случаях обычно скромно улыбался и выразительно кивал на жену, хорошенькую, аппетитно-полненькую и необыкновенно живую и энергичную Люсеньку.

— Это не моя заслуга, — говорил он с улыбкой, — это все Люсенька, умеет она уют создать, настоящая хранительница семейного очага.

А Люсенька в ответ на эту реплику весело хохотала, звонко чмокала Орлова в щеку и неслась на кухню за очередным блюдом. Жену Александр Иванович любил искренне, сыном Борькой был более чем доволен, посему семьей своей имел все основания гордиться. И жилищем своим гордился, ведь оно было не просто красивым, но еще и непохожим на подавляющее большинство квартир и комнат того времени: никакой современной полированной мебели на тонких, того и гляди грозящих подломиться ножках, никаких эстампов и чеканок на стенах — только живопись, багеты, фотографии в хороших рамках. И сам он, адвокат Орлов, вполне под стать своему жилищу выглядел — высокий, крупный, даже несколько полноватый, с густыми серебряной седины волосами и ухоженной окладистой бородой, ни дать ни взять — настоящий судебный защитник девятнадцатого века! Борода, однако, была не данью имиджу, а осознанной необходимостью: прошедший всю войну Александр Орлов вернулся с фронта с неизгладимо обезображенным лицом, всю нижнюю часть которого, от крыльев носа до кадыка, покрывали грубые шрамы

и ожоги. Из-за бороды его и в милицию не взяли после окончания университета. Сказали, мол, не может советский офицер, носящий форму, быть в бороде, не по уставу это...

Прозвучали три звонка, и, открывая входную дверь, Орлов был уверен, что пришел очередной посетитель, клиент, которого адвокат ждал сегодня, но, правда, только через час... Что ж, бывает, ничего страшного, человек в тревогах и волнениях время перепутал. Или кто-то, узнав у знакомых адрес «хорошего адвоката» и дни, когда он работает не в консультации, а принимает на дому, решил явиться без предварительной договоренности, наудачу. И такое тоже случается.

Увидев незнакомую хорошо одетую немолодую даму, уверился в своих предположениях, доброжелательно улыбнулся и, ничего не спрашивая, проводил в комнату, привычно ожидая, что она, как и все, кто попадал сюда впервые, начнет восхищенно осматриваться и одобрительно кивать. Дама явно «старорежимная», уж кто, как не она, сможет оценить...

Но дама и не думала оглядываться по сторонам и рассматривать обстановку. Взгляд ее был прикован к лицу Орлова.

— Присаживайтесь, — Александр Иванович указал гостье на кресло для посетителей, сам же занял место за письменным столом. — Я внимательно вас слушаю. Что у вас случилось?

Дама тихонько вздохнула. Сидела она очень прямо, на самом краешке кресла. Каким-то неведомым Орлову образом на ее сером костюме —

прямая узкая юбка и короткий элегантный пиджак — не образовалось ни единой складки, словно костюм этот «строили» на сидящей фигуре. «Индпошив, наверное, — мелькнула у него в голове неуместная какая-то мысль. — У хорошего портного шьется».

— Вы — Александр Иванович Орлов, — не то спросила, не то констатировала посетительница.

— Ну, вы же ко мне пришли, — развел руками Орлов. — Стало быть...

— Ваша матушка — Ольга Александровна Орлова, урожденная Раевская, старшая дочь Александра Игнатьевича Раевского, расстрелянного чекистами в девятнадцатом году?

В груди у Орлова мгновенно возникла страшная черная дыра, в которую, как в воронку, стали засасываться спокойствие и способность здраво воспринимать и оценивать окружающую действительность. Надо взять себя в руки, надо... Ничего особенного не происходит, ну подумаешь, дворянские корни, кто их сейчас боится, не тридцатые же годы... Ну и пусть, пусть...

— Да, совершенно верно.

Он сам удивился, насколько спокойно, оказывается, звучит его голос.

— Мама умерла от дифтерии, когда мне было чуть больше годика, — зачем-то добавил он. — Я ее не помню. Меня растил отец.

«Открещивайся, открещивайся, — шептал откуда-то из глубины той страшной черной дыры явственный тревожный шепот, — отказывайся от всего. Может быть, твой дед Александр Раевский,

известный криминалист, и оказался контрреволюционером, не зря же его расстреляли, но к тебе это не имеет никакого отношения, ты в то время еще не родился. А твою мать не тронули, значит, к ней у власти претензий не было, Ольга Александровна еще с Первой мировой работала в госпиталях, выхаживала русских солдат. Тебя растил только отец, Иван Степанович Орлов, рабочего происхождения, выбившийся в инженеры, достойный человек, настоящий строитель коммунизма, партиец, имеющий безупречную советскую биографию. На это напирай. А что он женился на дворянке, да еще наполовину немке, так ты, Саша Орлов, ее не помнишь и знать ничего не знаешь. Ты знал всю жизнь только отца и его родню, они тебя воспитывали, про них ты можешь рассказывать бесконечно. А мать уже к моменту замужества была почти совсем одна, все, кроме деда, Александра Раевского, эмигрировали, и про эту ветвь ты ничего не знаешь...»

— Конечно, конечно, — кивнула гостя. — Я знаю. Мне стоило немалых усилий вас найти, в ходе этих изысканий я многое узнала о вашей семье, так что более или менее в курсе. Я представляюсь, с вашего разрешения: Анна Юрьевна Коковницына. Разумеется, в течение жизни по ходу моих замужеств фамилию приходилось менять, но теперь все это в прошлом, и я снова ношу то имя, с которым родилась. Некоторое время назад я поняла, что мне необходимо разыскать потомков рода Гнедичей, поиски были сложными, но в итоге они привели меня к вам.

— Гнедичи? — Изумление адвоката Орлова было совершенно искренним: это имя он слышал впервые в жизни. — А кто это? Какое я имею к ним отношение?

— Самое прямое, — гостя улыбнулась. — Ваша прапрабабка — младшая дочь Гнедичей, вышла замуж за графа Раевского. У нее были два старших брата, но потомства они, увы, не оставили. Посему Раевские — единственные кровные потомки рода Гнедичей. А на сегодняшний день остались только вы. Судьбы остальных Раевских сложились, к сожалению, не так благополучно, по крайней мере, разыскать их мне пока не удалось. Благодаря моему последнему мужу меня хорошо знают в советском посольстве во Франции...

— Во Франции?! — непроизвольно вырвалось у Орлова.

Так она еще и иностранка из эмигрантов! Только этого не хватало...

— В Париже, — кивнула Коковницына. — Моя семья уехала из России в семнадцатом году, после первой революции, но еще до второй. Так вот, как только создали общество советско-французской дружбы, я сразу стала активно там работать, поэтому советское посольство и в особенности атташе по культуре меня хорошо знали. Эти знакомства позволили мне обращаться с просьбами по розыску Раевских. Конечно, дело двигалось не быстро, но, в конце концов, увенчалось успехом. Тот же атташе по культуре помог мне добиться поездки в Москву в качестве переводчицы при французской делегации.

«Зачем? — тут же подумал Орлов, по профессиональной привычке выискивающий нелогичности и несостыковки в том, что ему рассказывают. — Если у тебя такие хорошие связи в советском посольстве во Франции, ты могла бы просто запросить визу как туристка, тебе бы не отказали. Темнишь ты, бабка Коковницына».

Вероятно, тень недоверия все-таки промелькнула по его лицу и от посетительницы не укрылась, потому что Анна Юрьевна едва заметно улыбнулась.

— Вы можете спросить, почему я не попыталась приехать в Советский Союз в качестве обычной туристки. Если у меня столь крепкие связи в посольстве, то в визе мне не отказали бы. Зачем мне нужно было устраиваться переводчицей при делегации?

«Умна, старая карга», — одобрительно хмыкнул Александр Иванович про себя. Почему-то в этот момент ему стало легче.

— И почему же?

— Деньги, голубчик, — ответила Анна Юрьевна с обезоруживающей прямоотой. — Для меня такая поездка за свой счет — непозволительная роскошь. Боюсь вас разочаровать, но скажу сразу: я не богата и мы с вами не родственники, поэтому если у вас и мелькала мысль, что объявилась богатая тетушка из Франции, намеревающаяся оставить вам наследство, то вам придется с этой мыслью распрощаться.

Орлов пожал плечами.

— Уверяю вас, подобные мысли меня не посе-

тили. Так чем могу быть вам полезен, уважаемая Анна Юрьевна? Для чего вы прилагали столько усилий, чтобы найти меня?

Она помолчала, и Орлов чувствовал, как внутри него снова оживает и начинает вибрировать та самая черная дыра.

— Вы верите в Бога?

* * *

...Дед Анны Юрьевны, граф Михаил Коковницын, женился поздно, до сорока с небольшим лет занимаясь преимущественно тем, что вполне успешно проматывал семейное состояние, без счета тратя деньги на жизнь за границей в обществе многочисленных девиц и не помышляя о семейных узах и продолжении рода. Обнищавшему графу, не сделавшему карьеру на государственной службе и достигшему зрелых лет, не оставалось ничего иного, как жениться на богатом приданом. Девицу из дворянской семьи в этом браке ничто прельстить не могло бы, равно как и ее родителей, а вот межсословные браки во второй половине девятнадцатого века стали распространяться все шире, и теперь дворянину можно было, не нарушая приличий и не вызывая в свете особых пересудов, жениться на дочери заводчика, фабриканта или даже купца, взяв за ней очень неплохие деньги и одарив, в свою очередь, титулом графинюшки. Молодая графиня Коковницына сразу же осчастливила мужа первенцем Юрочкой, и Михаил Аристархович, впервые став отцом в сорок два года, на шестьдесят седьмом году жизни уже с

умилением посматривал на беременную невестку, ожидая рождения внука или внучки.

Тяжелая болезнь, как это часто бывает, свалила старика неожиданно, а приближение конца граф почуял как раз в тот день, когда послали за повивальной бабкой: невестке, жене Юрия, подошло время родить. Юрия от женских комнат прогнали, и он сидел у постели умирающего отца, одновременно горя по родителю и тревожась за роженицу. Именно тогда Михаил Аристархович попросил сына открыть потайную дверцу в книжном шкафу и достать оттуда простую деревянную коробку из-под сигар, которую Юрий ни разу до того времени не видел. Последней просьбой умирающего было передать коробку Раевским, соседям Коковницыных по имению в Калужской губернии. Коробка без замка, самая обыкновенная, со скромной инкрустацией. Внутри Юрий, полюбопытствовав, обнаружил только сложенный вчетверо листок бумаги, старинные часы на цепочке и большого размера кольцо, явно мужское, с черным камнем, по виду не дорогое. Он собрался было спросить, что все это означает и зачем передавать коробку Раевским, но тут отец начал хрипеть и через несколько секунд испустил последний вздох, а еще через минуту со стороны женских комнат послышались душераздирающие крики... Надо ли объяснять, что Юрию Коковницыну стало совсем не до коробки и ее содержимого. О предсмертной просьбе Михаила Аристарховича молодой граф долгое время вообще не вспоминал, очертания того дня, когда умер отец и родилась дочь Анна, утратили чет-

кость и определенность, слившись в единое пятно страшного напряжения и тревоги. Две самые любимые женщины Юрия тяжело и долго болели: мать — после смерти мужа, жена — после трудных родов, и все мысли графа были только о них и о крошечной дочери. А в Бога он не верил, ибо был ярым сторонником материализма и втайне от семьи спонсировал революционную газету и финансово поддерживал революционное движение, посему понятие «последняя просьба умирающего» для него никакой ценности не имело и моральных обязательств не налагало.

С годами граф Коковницын в идеях революции разочаровался. Когда весной 1917 года приняли решение уехать во Францию, во время сборов обнаружилась та самая коробка. Ее упаковали вместе с остальными вещами: не до раздумий было, да и не до поисков Раевских, о которых Коковницыны уже много лет ничего не слышали, ибо имение в Калужской губернии давным-давно было промотано Михаилом Аристарховичем, и ни его супруга, ни тем более сын там никогда не бывали. Да и о каких именно Раевских шла речь, Юрий Михайлович совсем не представлял: этот дворянский род был старинным, имел множество ветвей, потомки которых жили и в Москве, и в Санкт-Петербурге, и в Харькове, и в Нижнем... да где только они не жили! Разумеется, можно было бы тотчас выяснить, чьи имения находились по соседству с имением Коковницыных под Калугой лет примерно пятьдесят назад, но в горячке сборов и предотъездных тревогах и хлопотах кто